

«Крестьяноборство» в Советской России — тяжелый опыт аграрной и социально-политической истории

Обзор всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию начала массового раскулачивания в Советском Союзе, «Сталинская коллективизация: актуальные проблемы» (Москва, 12 ноября 2020 года)

Обозный Константин Петрович, канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета, зав. кафедрой церковной и социальной истории СФИ (Москва; Псков) / *Obozny Konstantin Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor, Dean, Faculty of History, Head, Department of Church and Social History St. Philaret's Institute (Moscow; Pskov) • Suhoput2006@yandex.ru*

Обозный К. П. «Крестьяноборство» в Советской России — тяжелый опыт аграрной и социально-политической истории : Обзор всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию начала массового раскулачивания в Советском Союзе «Сталинская коллективизация: актуальные проблемы» (Москва, 12 ноября 2020 года) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 37. С. 175–185. DOI: 10.25803/SFI.2021.37.1.010.

Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Далее — СФИ) при участии научно-исследовательского центра им. А. В. Чаянова Московской высшей школы социальных и экономических наук организовал и успешно провел научную онлайн конференцию, посвященную трагической дате — 90-летию начала массового раскулачивания в СССР.

30 января 1930 г. члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным приняли постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В соответствии с решением руководителей ВКП(б) «кулацкий актив» подлежал заключению в концлагеря или расстрелу, прочие «кулацкие элементы» подлежали депортациям вместе

с семьями в отдаленные районы СССР или выселению за пределы родных сел и деревень.

На приглашение к участию в конференции откликнулись крупные специалисты-историки из России, Беларуси, Литвы и Германии. Были представлены университеты и научно-исследовательские центры: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Институт Российской истории РАН (Москва), Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва), Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС (Саратов), Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Европейский университет (Вильнюс), Билефельдский университет (Германия).

Перед началом работы конференции с приветственным словом выступили ректор СФИ А. Б. Мазуров и директор Чаяновского центра А. М. Никулин. Выступавшие подчеркнули актуальность темы конференции, а также сформулировали главный вопрос: почему коллективизация в сталинском варианте победила? Все участники, выступавшие с докладами и участвовавшие в дискуссиях, так или иначе пытались ответить на этот вопрос.

Открылось утреннее заседание докладом канд. экон. наук А. М. Никулина «Чаянов и Сталин: сопоставляя две концепции коллективизации». В этом выступлении была проанализирована логика сталинского варианта коллективизации, а также обозначена альтернативная чаяновская линия развития сельского хозяйства, которая имела определенные шансы на успешную реализацию. На основе письменных трудов и публичных выступлений (1918–1930 гг.) Сталина и Чаянова удалось показать принципиальную разницу двух моделей коллективизации, что было связано с серьезным внутренним личностным различием этих двух исторических деятелей: Сталин (партия большевиков) — грубый эмпирик и сторонник насильственных методов достижения поставленной цели, Чаянов (беспартийный, сочувствующий политически умеренным народническим направлениям) — академический ученый, социальный футуролог и просветитель в области сельского развития. Чаянов предлагал развивать экономику крестьянских домохозяйств через добровольные крестьянские союзы-кооперативы, вертикально интегрирующие, объединяющие, обобществляющие отдельные отрасли крестьянских производств, но оставляющие за самими крестьянами свободу выбора приоритетов их

хозяйственной деятельности в многоукладной экономике советской России. Такая система представлялась Чаянову оптимально экономически эффективной и социально справедливой.

На практике реализовавшаяся насильственная коллективизация — не чаяновская вертикальная демократическая, а сталинская горизонтальная бюрократическая — привела к огосударствлению ресурсов сельской жизни в целях усиления власти номенклатуры, создав низкоэффективную, построенную на внеэкономическом принуждении колхозную систему СССР. А. М. Никулин постарался раскрыть динамику взглядов и способы выражения подходов к вопросу аграрных преобразований у Сталина и Чаянова. Сталин, еще в годы гражданской войны находясь в Царицыне, приобрел опыт практического решения крестьянского вопроса, участвуя в насильственном изъятии хлеба у крестьян. Если в первой половине 1920-х гг. он сдерживал себя от откровенных высказываний в пользу подавления крестьянства, то начиная с 1928 г. линия партии, нацеленная на то, чтобы поставить крестьян под жесткий диктат бюрократии, была четко артикулирована Сталиным. К началу 1930 г. стало очевидно, что цель сталинской коллективизации состояла, прежде всего, в усилении власти коммунистической партии в деревне с целью безжалостного изъятия из нее ресурсов для форсированной модернизации экономики СССР. Крестьянство в это время оставалось последним серьезным препятствием для воплощения идей Сталина о тотальном огосударствлении России, а значит, должно было подвергнуться разгрому и жесточайшему подавлению. Проф. Чаянов в конце 1920-х гг. отказался принимать участие в исследовании колхозной темы, поскольку она являлась фактически воплощением политики государственного насилия над крестьянством. Он переключился на изучение проектирования крупных государственных аграрно-индустриальных хозяйств (совхозов). Тем не менее вину за трудности проведения коллективизации и сопротивление ей крестьянства идеологи коммунистов во главе со Сталиным постарались поскорее переложить на распространение в деревне «вредительских мелкобуржуазных идей» Чаянова и его коллег — замечательных ученых-аграрников, представителей славной школы земских статистиков и агрономов.

Истеричная кампания идеологических обвинений и угроз в адрес чаяновцев в 1930 г. привела к аресту Чаянова и его единомышленников. Их обвиняли в подготовке кулацких восстаний и сопротивлении сталинской политике коллективизации. Таким

образом, планы Чаянова на культурное и кооперативное строительство многоукладной экономики страны оказались окончательно разрушенными. Из тюрьмы ярославского политизолятора в 1934 г. его отправили в политическую ссылку в Казахстан, а затем расстреляли 3 октября 1937 г. в Алма-Ате.

Второй доклад «Социально-политические причины сталинской коллективизации» был сделан доцентом СФИ канд. ист. наук К. М. Александровым (Санкт-Петербург). Александров больше внимания уделил статистике и последствиям кампании по раскулачиванию. Число общих жертв коллективизации в 1930–1933 гг. выступающий оценил в 7,5 млн человек. Были отмечены потери в различных отраслях сельского хозяйства, значительное падение показателей вырабатываемой продукции на душу населения. Размеры вооруженного сопротивления крестьянства в эти годы также превосходили уровень антибольшевистских сил почти в пять раз по числу участников. Недаром некоторые исследователи называют крестьянские восстания, спровоцированные кампанией раскулачивания, «второй гражданской войной». Высокий процент пленных красноармейцев в первые недели войны в 1941 г. Кирилл Александров также связывает с последствиями насильственной коллективизации. Большинство воинов Красной армии были из крестьянского сословия, а значит, подавляющее большинство красноармейцев и их ближайшие родственники так или иначе испытали государственное насилие в период массовой коллективизации. Тот факт, что в годы войны снабжение СССР продовольствием в основном происходило за счет поставок союзников, косвенно свидетельствует об экономической неэффективности колхозного строя. Таким образом, К. М. Александров приходит к выводу, что сталинская коллективизация имела преимущественно политические причины. Приоритетом для Сталина была защита власти коммунистической партии, защита привилегий партийной и советской номенклатуры. В народе после разгрома, который принесла с собой коллективизация, аббревиатуру ВКП(б) прочитывали как «всероссийское крепостное право большевиков». В 1934 г. на XVII съезде коммунистической партии, вошедшем в историю как съезд «победителей», Сталин объявил об успешном решении зерновой проблемы, что означало окончательный разгром свободного крестьянского хозяйства в России и завершение русской революции как таковой.

Теме крестьянских восстаний был посвящен доклад д-ра ист. наук А. В. Посадского (Саратов) «Крестьянское сопротивление 1920–1921

и 1929–1932 гг.: возможности сопоставления». В своем выступлении Посадский мастерски показал общие и отличительные черты двух волн крестьянских антибольшевистских восстаний. Начавшись еще на фоне гражданской войны, крестьянские восстания не затихли и после 1920 г. Они продолжались под политическими лозунгами, в том числе — «советы без коммунистов». Нередко восставших крестьян захватывали анархические настроения, в некоторых регионах на смену стихийным бунтам приходило «зеленое» движение. В Западно-Сибирском регионе были отмечены восстания красных командиров, поддержавших недовольство на селе. В отдельных регионах во главе крестьянских восстаний оказывались представители партии эсеров, хотя в 1920–1921 гг. это, по мнению автора доклада, уже не имело политического значения. После небольшого перерыва (не более четырех лет) связанного с НЭПом, восстания крестьян возобновились. Крестьянские восстания в конце 1920-х гг. стали более осторожными, не было увлечения анархическими идеями. Случалось, что во главе восставших оказывались красные партизаны, представители номенклатуры и даже сотрудники ОГПУ (Фрол Добытин на Алтае). Наблюдался переход к тактике индивидуального террора против активистов колхозного строительства. Особая специфика проявилась в том, что в этот период важное место занимало религиозное сопротивление. Примечательно, что восстания периода коллективизации также подавлялись в некоторых случаях отрядами ОГПУ и регулярными частями Красной армии. Но командиры и партийное руководство действовали теперь более осторожно и в каких-то случаях лояльнее по отношению к крестьянству в целом. При этом в военных сводках действия частей Красной армии в районах, зараженных «бандитизмом», назывались техническим термином «оккупация». Таким образом, области, охваченные крестьянскими волнениями, подвергались оккупации Красной армией. Хотя восстания 1929–1932 гг. отличались от раннего периода привкусом обреченности и неверием в окончательный успех, однако и в одном, и в другом случае крестьянское сопротивление было сломлено в первую очередь голодом.

В завершении утренней части конференции с докладом на тему «Духовное осмысление коллективизации: опыт оккупированных территорий РСФСР 1941–1944 годов» выступил канд. ист. наук И. В. Петров (Санкт-Петербург). Особое место в своем выступлении Петров уделил восприятию коллективизации православным духовенством, которое служило на советских территориях,

занятых немецкими войсками. При этом исследователь отметил, что священники революционной формации довольно активно участвовали в нацистской пропаганде, основной мишенью которой была советская колхозная и религиозная политика. Духовенство выступало в коллаборационистской печати, обращалось с соответствующими проповедями и служило молебны в честь освобождения от большевизма и наступившей свободы в области церковной и аграрной жизни мирного населения. Весной 1942 г. с особым подъемом прошла антиколхозная пропагандистская акция Восточного министерства, которая была объявлена земельной реформой. По мнению докладчика, реальных результатов это предприятие не принесло. Хотя в тех районах, где колхозный строй был ликвидирован, экономическое положение крестьянских хозяйств было гораздо устойчивее, чем в предвоенные годы. После освобождения советских территорий от немецких войск, многие священнослужители подверглись репрессиям по политическим статьям. Одним из обвинений было участие в нацистской пропаганде и выступления на антиколхозные темы.

Перед перерывом состоялась первая дискуссия, в которой активное участие принял профессор Билефельдского университета Штефан Мерль, ведущий конференции К. М. Александров и А. М. Никулин.

Вторая часть конференции открывалась докладом специалиста из Европейского университета в Вильнюсе канд. ист. наук И. Н. Романовой (Минск) «Коллективизация в БССР». Выступление Романовой было сосредоточено на процессах коллективизации и раскулачивания в той части Белоруссии, которая входила в состав Советского Союза в 1920–1930-е гг. Она выделила основные очаги сопротивления в Белоруссии — в первую очередь южные районы (Мозырь). Здесь была своя специфика, выразившаяся в так называемых бабьих бунтах, когда стихийное сопротивление преимущественно инициировали крестьянки. Это было связано с особенностями судебной системы — выступления мужчин квалифицировались не только как антисоветская деятельность, но и как бандитизм. Это влекло за собой жестокое наказание вплоть до расстрела, а значит, потерю рабочих рук в деревне. В 1932 г. зафиксирован пик выступлений в белорусских областях — 300 восстаний. Наряду с открытыми бунтами было распространено вредительство, нередко встречалась порча зерна и сельхозпродукции. Колхозная система спровоцировала голод, участились воровство и случаи самосуда. Особенно пострадали от голода

Гомельская область и районы Могилевской области. К середине 1930-х гг. остро ощущался дефицит рабочих рук. В некоторых случаях на один крестьянский двор приходилось до 30–50 га земли, которые малолюдные семейства, особенно после массовых арестов мужской части населения, не могли обрабатывать. Характерными для этого региона являются процессы миграции населения. Из белорусских областей люди мигрировали на Украину, а в период тяжелейшего голода 1932 г. украинцы приезжали за хлебом в области БССР. В 1937–1938 гг. судебные процессы, которые нередко заканчивались вынесением приговоров к высшей мере наказания, проводили сельсоветы на местах. Подводя итог своего выступления, И. Н. Романова показала не только крах колхозных планов в Белоруссии, но и серьезные потери человеческих ресурсов в этом регионе — 260 тыс. человек в эти годы подверглись так называемой кулацкой высылке и более 600 тыс. человек было репрессировано.

Тему коллективизации в белорусском регионе продолжил доклад канд. ист. наук В. А. Белозоровича (Гродно) «Особенности коллективизации в западных областях Белоруссии (1939–1952)». Как видно из названия доклада, основное внимание было сосредоточено на специфике региона, долгое время находившегося в составе Польского государства. В полном смысле слова о сталинской коллективизации в западных областях Белоруссии можно говорить только с 1945 года. Сельское хозяйство в западной части Белоруссии, по словам Белозоровича, «пережило две школы капитализма» — столыпинские реформы и преобразования правительства Пилсудского, направленные на хуторизацию крестьянских дворов. Так, накануне Второй мировой войны 70 % составлял хуторной способ хозяйствования. В основном это малоземельные хозяйства — не более 10 га на человека. В 1939 г. белорусские крестьяне положительно встретили установление советской власти. Первые депортации местного населения начались в декабре 1939 г., но в основном они не захватили белорусское крестьянство. Репрессии затронули зажиточные слои в лице осадников¹ и их семей. Как правило, это были поляки-католики. К февралю 1940 г.

1. Осадники — польские колонисты, граждане Речи Посполитой, получившие после 1921 г. земельные наделы в западных областях Украины и Белоруссии, вошедших в состав Польши, с целью колонизации этих территорий.

около 90 % семейств осадников было депортировано в Сибирь. Землю репрессированных поляков (ок. 1 млн га) распределили среди белорусских крестьян, хотя этот жест советской власти вопрос земельного дефицита не решил. Католическая церковь поддерживая осадников и поляков, тем самым занимала резко антисоветскую позицию. Доходило до бойкотирования выборов в советские органы весной 1940 г., когда это событие пришлось на дни католической Пасхи. Первые колхозы в этом регионе были организованы осенью 1939 года. К июню 1941 г. всего числилось 1115 колхозов, которые смогли привлечь всего 6,7 % от общего числа крестьянских дворов в Западной Белоруссии. Как правило, в колхозы вступали батраки, беднейшие крестьяне, а более зажиточные хозяева занимали выжидательную позицию. Советская власть пыталась начать наступление на кулацкие белорусские хозяйства путем обрезки земельных владений, но развитию этого плана помешала война и немецкая оккупация. В годы войны белорусские территории были поделены между разными зонами оккупации. Западные области вошли в состав Пруссии, и здесь восстанавливались сельскохозяйственные общины, колхозы были распущены, а имущество и земли возвращались раскулаченным хозяевам (в основном полякам). В 1942 г. Восточное ведомство А. Розенберга объявило об аграрной реформе на занятых восточных территориях. Эти преобразования были особенно актуальны для центральных районов Белоруссии, входивших тогда в состав Рейхскомиссариата Ostland. На смену колхозному строю приходит община. На развитие социально-экономических процессов существенное влияние оказывал национальный фактор. В период оккупации в западных белорусских областях обострились антипольские настроения. С началом активных действий Армии Крайовой оккупационные власти удалили из местной администрации поляков и сделали большую ставку на белорусских жителей. Массовая коллективизация в Западной Белоруссии началась довольно поздно — в 1949 г. В основном это была удачная попытка устройства колхозного строя. Это объясняется тем, что советская власть учитывала ошибки и просчеты довоенного времени, использовала опыт проведения коллективизации в БССР. Также это было связано с отсутствием активного сопротивления. Большинство противников советской власти либо покинули Белоруссию в 1944 г., либо были репрессированы после освобождения Белоруссии от немецких войск. Около 70 % кулацких семейств были выселены в Среднюю Азию.

Судьбам и положению спецпереселенцев в ходе кампании по раскулачиванию был посвящен доклад канд. ист. наук Н.И. Загороднюк (Тобольск) «Дислокация спецпоселков в Тобольском округе Уральской области (по материалам окружного земельного управления)». Тобольский округ занимал $\frac{3}{4}$ Уральской области. На территории проживало 192 тыс. человек, из них 54 тыс. — в северных районах. Первые семьи переселенцев прибыли в Тобольский округ еще в 1929 г., при этом места для проживания высланных крестьян подготовлены не были. Эта проблема сохранялась и в более поздние годы. Максимальное число спецпоселков в Тобольском крае достигло 55, но примерно 30 % чертежей и проектов поселков с развитой инфраструктурой остались только на бумаге для отчетов в центр. В докладе были представлены некоторые подробности, касающиеся труда, быта, коммуникации спецпереселенцев. Основная занятость жителей спецпоселков была связана с работой в леспромпхозе, на сплаве леса. Рыбтрест, как правило, не мог принять на работу более значительное число рабочих из-за неразвитости технологии и нехватки материальных средств. Нередким явлением были конкуренция и даже конфликты с местным населением, высокий уровень заболеваемости и смертности. Для многих переселенцев (из Крыма, Краснодарского и Ставропольского края) местный климат был губительным. Пик смертности приходился на 1932–1933 гг. По некоторым данным число спецпереселенцев в Тобольском округе в этот период достигало 10 % от всего населения этих территорий, что, несомненно, повлияло на многие процессы развития этого региона в довоенный период.

Два выступления в завершающей части конференции были посвящены церковной тематике. В центре доклада канд. ист. наук И.А. Курляндского «Антирелигиозные циркуляры ОГПУ в годы „Великого перелома“ (1929–1930)» оказались документы, которые определенным образом формировали репрессивную политику советской власти на местах. Далеко не все циркуляры ОГПУ, направленные на подавление религиозной жизни, сегодня введены в научный оборот. Содержание некоторых документов известно по косвенным свидетельствам, а сами документы доступны лишь в выдержках и фрагментах. Процессы коллективизации вызвали обострение ситуации в деревне, а это, в свою очередь, послужило для большевиков поводом объявить о единстве кулаков и «церковников» в антисоветской деятельности. Кроме «церковников» в циркулярах появляется упоминание «сектантов»,

также ведущих антиколхозную подрывную работу. Циркуляры ОГПУ способствовали усилению натиска на религию, закрытию храмов, в первую очередь «тихоновской» ориентации, разгрому сельхозартелей, которые возникали на основе ранее закрытых православных монастырей. Курляндский отметил, что в циркулярах ОГПУ перемешаны объективные факты и откровенная фальсификация. В целом можно говорить о крайней тенденциозности этих документов. Показательно, что в текстах циркуляров проявлялось недоверие даже той части православной церкви, которая пыталась приспособиться к советским условиям жизни, всячески подчеркивала свою лояльность коммунистической власти и последовательно проводила в жизнь идеи Декларации 1927 года. Данный факт свидетельствует о том, что в период коллективизации ставка на раскол и расшатывание церкви изнутри (1922–1927 гг.) ушла в прошлое, и большевистское правительство готовилось дать «последний бой» церкви и религии в СССР.

Выступление канд. ист. наук В. С. Батченко (Москва) на тему «Письменные жалобы религиозных объединений начала 1930-х гг. как исторический источник» подвело черту в работе конференции в формате докладов. В. С. Батченко, в отличие от своего старшего коллеги, сосредоточилась на документах, исходящих в основном от рядовых верующих — тех, кто не терял надежды на справедливое решение религиозных вопросов. Это довольно интересный специфичный исторический источник, который хранится, как правило, в фондах архивных материалов о закрытии храмов. Письма во властные структуры расценивались как способ пассивного сопротивления. При этом написанию письма предшествовала активная деятельность: собрание приходского актива, хождение по инстанциям и т. п. Автором этих писем была религиозная община, поэтому под текстом прошения могли быть десятки и даже сотни подписей. Эта особенность коллективного характера писем требовала рассмотрения жалоб и хотя бы формальной реакции. По своему характеру письма могли быть монотематическими и политематическими, т. е. просьбы верующих могли касаться одной проблемы или целого комплекса вопросов, которые побуждали общину взяться за перо или карандаш. Характер писем зависел от степени грамотности ядра общины, от конфессиональной принадлежности и периода написания. Известны факты, когда происходил обмен опытом по написанию писем во властные структуры между соседними общинами и предпринимались попытки оперировать законодательными актами и юридическими понятиями

ми. Многие жалобы были связаны с насильственным закрытием храмов, отъемом имущества и земли, финансовым давлением на клир и на приход в целом. Письма сельских приходов в период коллективизации и раскулачивания свидетельствуют о массовом нарушении прав религиозных общин советскими властями в регионах. Это не было перегибом на местах, а стало проявлением политики ВКП(б) в отношении «кулаков» и «церковников», что хорошо показывают секретные циркуляры ОГПУ того же времени.

Завершилась конференция общей дискуссией с обсуждением докладов, репликами и вопросами. Главные вопросы, на которые отвечали участники конференции: почему коллективизация в сталинском варианте победила? Почему сегодня наши соотечественники, в том числе из академической среды, весьма положительно оценивают сталинскую коллективизацию и кампанию по раскулачиванию? В ходе обсуждения участники не раз вспоминали вклад Теодора Шанина в изучение русского крестьянства и его оценки колхозного строительства в 1930–1933 гг. В частности, прозвучало меткое определение, которое Шанин дал зачинщику тотальной коллективизации: «Сталин — великий крестьяноборец!». Успех сталинской коллективизации, по мнению участников конференции, был связан с применением массового государственного насилия, проколхозной агитацией и пропагандой, растерянностью крестьянства и отсутствием в 1930 г. серьезных альтернатив колхозам, подрывом духовных основ и террором в отношении православных христиан. Не менее важным стал обмен мнениями по поводу популярности сталинской политики в современном обществе и даже в некоторой части ученого мира. Перед завершением дискуссии прозвучали предложения о том, чтобы подобная конференция стала ежегодной, и тут же был предложен целый ряд тем для дальнейшего исследования, обсуждения и презентации.

После закрытия конференции прозвучала краткая заупокойная молитва в память о жертвах коллективизации, раскулачивания и голода в 1929–1934 гг.